ЭТНИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ

УДК 908

DOI: 10.22378/he.2019-4-1.65-84

ГАЙНЕТДИН АХМАРОВ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРПРЕТИРОВАНИЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е. Станчев

*Институт балканистики с центром фракологии им. проф. Ал. Фола,
Болгарская академия наук
София, Болгария
evlogi.stanchev@gmail.com*

В статье анализируются различные интерпретации и оценки творчества и идей ведущего татарского ученого Гайнетдина Ахмарова (1864–1911) в современной болгарской историографии, на основе перевода части его научного творчества на болгарский язык. В 2002 г. его очерк «История Булгарии» (1909) был опубликован в Софии, Болгарии, издательством «Огледало» («Зеркало»), чей издательский фонд включает в себя ряд других публикаций, посвященных волжско-булгарской теме. Показано, как осознанные реинтерпретации первоначальных идей Г.Н. Ахмарова, содержащиеся в этом переводе, фактически соответствует господствующим представлениям о Волжской Булгарии в современной болгарской историографии. С этой точки зрения, многочисленные комментарии, разъяснения и дополнения редакционного коллектива к этому изданию (прежде всего Татьяны Яруллиной, являющейся автором нескольких популярных квазиисторических текстов по волжско-булгарской истории в Болгарии и разделяющей общие концептуальные сходства с так называемым неоваисовским движением), не только переэкспонируют главный тезис Г.Н. Ахмарова об этнической и исторической преемственности между Волжской Булгарией и Казанским ханством, но также акцентируют на телеологическую фикцию об воспринимаемой как извечную этнической тождественности между волжскими булгарами (и, соответственно, современными казанскими татарами, считаемыми их наследниками) и булгарами на Балканском полуострове. В этом отношении показательным является частое упоминание в комментариях к тексту исторической подделки «Джагфар Тарихы», которая, несмотря на общепринятую делегитимацию в международном булгароведении, пользуется сравнительной популярностью в современной Болгарии. На основе проведенного анализа автор предлагает тезис, что публикации в Болгарии, связанные с волжско-булгарской историей (показательным примером чего является именно перевод «Истории Булгарии» Г.Н. Ахмарова), указывают на некоторые конкретные состояния, тенденции, а также методологические проблемы в болгарской исторической науке.

Ключевые слова: Г.Н. Ахмаров, Волжская Булгария, необулгаризм, болгарская историография, национализм, параистория.

Для цитирования: Станчев Е. Гайнетдин Ахмаров в контексте интерпретирования Волжской Булгарии в современной болгарской историографии // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 1. С. 65–84. DOI: 10.22378/he.2019-4-1.65-84

Несомненно Г.Н. Ахмарова (1864–1911) можно охарактеризовать как интересного представителя татарской академической мысли в поздней имперской России (конец XIX – начало XX вв.). В современной исторической науке существует относительный консенсус относительно его роли как *de facto* первого профессионального татарского археолога и этнографа. Хотя его с основанием считали частью позитивистской методологии, преобладающей в исторических исследованиях того периода, прецизный взгляд на исследования Г.Н. Ахмарова позволяет нам предположить, что, в отличие от классического исторического позитивизма, интерпретирующего факты в их буквальном, статическом смысле, Ахмаров во многих случаях предлагает критический взгляд на некоторые из доступных ему исторических источников.

Помимо значительного вклада в наши познания об историческом развитии Поволжья, разнообразное научное творчество Г.Н. Ахмарова также является и предметом последовательных многолетних исследований и научных комментариев. В этой связи я хотел бы подчеркнуть значительный вклад специализированных исследований Эльмиры Салаховой, которая подвергает аналитическому рассмотрению практически все работы Ахмарова, в том числе: его сотрудничество с престижным Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете [см. 24], членом-сотрудником которого он являлся с 1893 г.. Однако исследования Ахмарова также интересны с точки зрения их потенциала, дающего возможность использовать и даже инструментализировать их некоторыми современными исследованиями с определенной идеологической ориентацией.

Часть творчества Г.Н. Ахмарова известна болгарской читательской аудитории. В 2002 г. его «История Булгарии» (1909) была опубликована на болгарском языке под названием «История Волжской Булгарии» (рис. 1*) [2]. Автором перевода, введения и части комментариев является Татьяна Яруллина (доцент русского языка в Университете лесного хозяйства в Софии), а ответственным редактором и автором некоторых комментариев был Пламен Анакиев (владелец издательства «Огледало»¹, опубликовавшего перевод). Важно отметить, что хотя издание содержит факсимиле обложки первого издания исследования Ахмарова [2, с.4], опублико-

* См. рис. 1 к статье на цветной вклейке.

¹ В переводе на русский язык «Зеркало».

ванный текст использовал только русский перевод книги 1998 г. [1, с.24–61]. Этот перевод представляет интерес не столько с кажущейся нейтральности инициативы ознакомления болгарской аудитории с одним из представительных исследований Ахмарова, сколько с его попыткой предпринять целенаправленную реинтерпретацию основных идей и мнений автора и подчинить их предвзятому выходящему за строгие границы академической истории и, в конечном счете, националистически ориентированному представлению об истории и наследии Волжской Булгарии, которое характеризует большую часть тематических текстов в современной болгарской историографии. С этой точки зрения один из ведущих выводов в размышлениях Ахмарова о существовании исторической преемственности между Волжской Булгарией и созданным после распада Золотой Орды в XV в. Казанским ханством [25] намеренно переэкспонируется и рассматривается как неоспоримое доказательство этнической тождественности современных казанских татар со средневековым булгарским населением. В следующих параграфах я предложу критический историографический экскурс относительно интерпретаций, связанных с Г.Н. Ахмаровым в этом болгарском переводе и соответственно их связи с некоторыми основными взглядами на волжско-булгарскую историю в современной болгарской историографии. Конечно, анализ вряд ли может претендовать на абсолютную полноту рассматриваемой темы. Любая прямая или косвенная неточность в исследовании является исключительной ответственностью автора.

В связи с поставленными целями настоящего исследования особый интерес представляет предисловие рассматриваемого издания, автор которого, как уже упоминалось, является Татьяна Яруллина, определяющая себя здесь и в других публикациях с тахаллусом «аль Булгари» [2, с.5–13], полностью в контексте традиции (нео)вайсовского движения в Татарстане, с которым она поддерживает активный контакт. Кроме короткой биографической и библиографической информации об Ахмарове в этом отрывке коротко изложены основные идеологические взгляды и предпосылки, разделяемые Яруллиной, на основе которых впоследствии сделаны большинство редакционных замечаний, критических замечаний и пояснений в процессе фактического перевода [2, с.14–83]. Акцентом в этом предисловии является фикция о существовании объективной исторической, этнической и духовной связи между Волжской Булгарией и соответственно волжскими булгарами с населением современной Республики Болгарии. В этом отношении весьма показательно однозначное обозначение «волжских, кавказских и сибирских болгар» как «наших восточных братьев» [2, с.6]. Кроме того, следует отметить, что Яруллина не ограничивает эти свои взгляды единственно по отношению отдаленного прошлого. В другом месте она поддерживает концепцию о том, что упомянутым «болгарским» общностям в Евразии все еще предстоит начать процесс «вторичной» консолидации в современную эпоху: «Я верю,

что религиозные различия между двумя болгарскими ветками² не могут стать препятствием для взаимного ознакомления в XXI в.» [2, с.13]. Однако эта, по своей сути, квазиисторическая визия о существовании и, соответственно, о «переоткрытии» определенной панболгарской этнической диаспоры в разных частях евразийского пространства можно с основанием определить как одну из различимых и эмоционально резонирующих характеристик постсоциалистического националистического дискурса в Болгарии.

Помимо предисловия и точного перевода оригинального текста, в процессе изложения производят впечатление множество редакционных коррекций, которые в значительной степени также отражают идейные взгляды Т. Яруллина и П. Анакиева. В изложении содержатся также комментарии, ссылающиеся (в сносках, но также и в самом тексте) на дополнительные источники и литературу, в том числе и на исторические фальшивки, о чем пойдет речь далее.

Хотя некоторые объяснения могут считаться основательными по отношению первоначального текста Ахмарова, они дополнены ссылками на заслуживающие доверия источники (например, Б.Н. Заходер, Д.А. Хвольсон), большая часть комментариев постулирует спорные или открыто неверные утверждения. Например, Яруллина еще в предисловии оспаривает уверенность Ахмарова в лингвистической принадлежности волжских булгар к тюркской языковой группе, выдвигая недоказанный тезис об отделении древнего болгарского языка от алтайской языковой семьи [2, с.12]³. Более того, комментатор связывает дискуссию о лингвистической принадлежности древних булгар с «вопросом об их антропогенезе» [2, с.12]. Это свидетельствует о специфическом биологическом понимании этничности и наследственности, что полностью несовместимо с достижениями современной гуманитаристике (и, в частности, социальной антропологии), которая установила понятие этноса как культурной, социальной, реляционной категории [39]. Фактически, подобные стратегии реконструкции древней истории данной этнической общности (в данном

² В данном случае имеется в виду исламскую идентичность волжских булгар и, соответственно, принадлежность современных болгар на Балканском полуострове к православному христианству.

³ Кстати, вопросы об этногенезе древних булгар с основанием можно определить в качестве центра дискуссий в болгарской медиевистике. В рамках этих дискуссий (особенно после 1989 г.) выделяется тенденция делегитимации «тюркской теории» о болгарском происхождении и ее замены другими концепциями (иранской, автохтонной и т.д.). В некотором смысле попытки дистанцироваться от «тюркского» (понимаемого в болгарском контексте, прежде всего как «турецкого» из-за негативного исторического образа Османской империи) выходят за рамки строго академических дискуссий, могут быть связаны с более широким процессом стигматизации турецкого наследия как «непрестижного», представляющим характерную черту современной болгарской национальной идентичности еще во время ее консолидации во второй половине XIX в. [42].

случае волжских булгар) скорее всего должны быть объяснены характерным для многих националистических платформ процессом выбора «престижных предков», чем как чисто академическая процедура. Более того, разговоры об этнических группах в строгих рамках в такой домодерный период, как средневековье, содержат серьезные методологические ограничения, согласно специализированной науке. Многие исследователи выявили проблемный характер самой идеи этничности и этнической идентичности в средние века и, возможно, ее подчинения другим формам лояльности [43; 46]. Несоблюдение этих условий влечет за собой риск попадания в «ретроспективную этнизацию», в сущности анахронистическую методологию, как предупреждает турецкий исследователь национализма Умют Юзкырымлы [45, р. 225].

В некоторых местах перевод оригинального текста Ахмарова показывает значительное непонимание как с точки зрения терминологии, так и с точки зрения специфического контекста Волжской Булгарии, что свидетельствует об отсутствии необходимой экспертной подготовки. Например, Яруллина переводит религиозный термин «мулла» в русском переводе работы Ахмарова [1, с.29] как «муфтий» [2, с.20]. Однозначное отождествление слов «мулла» и «муфтий» в соответствии со специфической терминологией ислама более чем сомнительно. Внимательное рассмотрение терминологии показывает, что семантически понятие «мулла» (буквально «господин», «повелитель») варьирует в зависимости от исторического и регионального контекста, в своем наиболее распространенном использовании оно относится к каждому мусульманину, у которого есть какая-то форма религиозного познания. Хотя в определенных ситуациях понятие «мулла» деградирует, даже приобретает пейоративные коннотации, в других случаях оно сохраняет свой высокий социальный престиж (например, в Иране), даже распространяется в неисламском социокультурном контексте (например, в некоторых еврейских и зороастрийских общностях, находящихся в иранской культурной сфере) [40]. Со своей стороны, «муфтий» (буквально «тот, кто дает фатву»), хотя и развивается как понятие в зависимости от периода и региона, в своем классическом смысле относится к гораздо более конкретной должности с высокими юридическими полномочиями [4; 49]. Кроме того, Яруллина произвольно переводит административно-территориальную единицу «уезд» [1, с.30], характерную для российского исторического контекста, как «околия» [2, с.20], название, со своей стороны, присутствующее только в административной организации постосманского болгарского государства. В других случаях, например, комментируя различные племенные группы, зафиксированные в источниках в домусульманской Волжской Булгарии (савиры/сувары, барсил/берсула, есегел/аскал и т.д.), редактор ссылается на статьи в болгарском жур-

нале «Ави-тохол»⁴ [2, с.72], в котором она принимает активное участие. Эти примечания, в дополнение к отсутствию ссылок на некоторые из авторитетных научных исследований [см. 27, с.14–19; 50, pp. 35–51], несомненно, свидетельствуют о тенденциозном и избирательном отношении и в то же время о незнании соответствующей специализированной литературы. Также производит сильное впечатление тот факт, что в некоторых случаях переводчик намеренно изменяет часть содержания оригинального текста. Показательным в этой связи является например перевод «булгаро-татарского слова «тэнкэ» в оригинальном тексте [1, с.40] как «булгаро-тюркское слово «тэнкэ» [2, с.32]. Такие частичные изменения в переводе демонстрируют открытое стремление дистанцироваться от татарского наследия, его отрицание за счет извечной болгарской идентичности, которая, кстати, является основной концептуальной предпосылкой в большинстве публикаций Т. Яруллины и связанных с ней лиц / организаций (в том числе, Булгарский Национальный Конгресс – БНК).

В действительности, для того, чтобы достичь более конкретного представления о творчестве и концептуальных восприятиях людей, стоящих за публикацией текста Г.Н. Ахмарова на болгарском языке, я считаю целесообразным предложить небольшой дополнительный экскурс в связи с некоторыми другими их текстами и суждениями. В то время как большинство указанных до сих пор аналитических и терминологических расхождений и (намеренных) злоупотреблений в переводе указывают на недостаточную профессиональную подготовку, другие высказывания Т. Яруллины, содержащиеся в примечаниях и комментариях в этой публикации, а также и в других ее публикациях, свидетельствуют скорее всего о видимой дистанции от поля академической исторической науки и вхождение в сферу того, что ведущий болгарский медиевист Александр Николов справедливо определяет как «параисторию» [19] (мы могли бы также использовать концепцию о «фолк-хистори», предложенной Дмитрием Володихиным в контексте русской историографии [9]).

Перевод текста Ахмарова содержит многочисленные ссылки на различные квазиисторические труды (например, Фаргата Нурутдинова, Мурада Аджиева, Гусмана Халила⁵, Христо Тодорова-Бемберского (супруга Яруллины) и другие), а также на фальшивые документы. Яруллина выска-

⁴ «Ави-тохол» – это болгарский исторический журнал, с фокусом на возможность альтернативного прочтения болгарской истории (показательным в этой связи является девиз журнала: «Новое прочтение болгарского вчера, сегодня и завтра»). Журнал носит имя легендарного Авитохола, названного в «Именнике Болгарских ханов» родоначальником рода Дуло.

⁵ Гусман Халил является ведущим представителем небулгаристского движения в Татарстане и президентом Булгарского Национального Конгресса. Автор и составитель двух пропагандистских брошюр, изданных в Болгарии издательством «Огледало» [29; 30].

зывает множество абсурдных мнений, граничащих скорее всего со сферой популярной научной фантастики. Например, автор считает носителей тюрко-монгольского титула «багатур» «потомками гигантопитеков – атлантов, веками живших вместе с булгарами на Волге-Урале и Кавказе» [2, с.79–80], а в другом своем «исследовании» считает, что «по женской линии волжские булгары происходят от водных существ» [37, с.79]. Я думаю, что эти и ряд других примеров такого рода довольно показательны для понимания взглядов Т. Яруллины, и вряд ли нужен более подробный критический комментарий.

Несколько слов об ответственном редакторе (Пламен Анакиев), являющимся также и автором некоторых дополнительных заметок и комментариев и издателем рассматриваемого перевода. Как наиболее представительное для взглядов автора, я бы сослался на его предисловие к совместному сборнику публикаций Т. Яруллины и Г. Халила. [31, с.3–19]. Помимо того факта, что, как и Яруллина и другие его коллеги в этом направлении, текст Анакиева отражает различные квазиисторические формулировки, но и содержит открытую антисоветскую и антироссийскую риторику. Чтобы добиться более глубокого воздействия среди читателей, автор использует эмоционально нагруженные метафоры и средства выражения, рассказывает о «народах – жертвах российского империализма» [31, с.3], а по отношению нынешнего положения населения Республики Татарстан (однозначно определяемое автором как волжских булгар) он считает, что оно продолжает жить в «пятивековом кошмаре рабства» [31, с.3], что «для волжских булгар русское иго еще не закончилось» [31, с.9].

В контексте вышесказанного, по-видимому, главную характеристику перевода Г.Н. Ахмарова представляет большое количество редакционных комментариев, ссылающихся на информацию из так называемого свода болгарских летописей «Джагфар Тарихы»⁶, который в конце концов был признан рядом авторитетных исследователей бесспорной исторической подделкой [23; 34].

На самом деле, в многих ссылках на этот текст в переводе Г.Н. Ахмарова мы могли бы установить некоторые из основных стремлений создания и публикации подобных мистификаций – заполнение некоторых фактических пробелов в знакомом контексте путем конструирования альтернативного исторического нарратива, создания образа как можно более раннего происхождения, аллюзии на огромное величие конкретной этнической общности в прошлом и т.д. В связи с этим, например, предложен-

⁶ Как известно, этот текст был опубликован в России в трех последовательных томах в 1993, 1994 и 1997 гг. под редакцией Фаргата Нурутдинова. Во вступительной части текста Нурутдинов называет в качестве автора Бахши Имана, которому сеид Джагфар (определяемый как «вождь болгарского освободительного движения») возлагает задачу записать эти исторические хроники, а годом составления считается 1680 г. [21].

ный Ахмаровым список известных ему волжско-булгарских правителей подвергается критическому комментарию и дополнению редактором на основе данных «Джагфар Тарихы» [2, с.58]. Кроме этого, несмотря на продолжающие до сих пор дискуссии и многочисленные нерешенные вопросы в специализированной науке (основательно упомянутые самим Ахмаровым в его тексте [1, с.35, 36]) относительно предполагаемых границ и городской сети булгарского государства в Среднем Поволжье, в переводе на болгарском языке предложены карты (составленные Ф. Нурутдиновым на основе информации из «Джагфар Тарихы»), утверждающие, что они «точно» реконструируют территории [2, с.84] и города [2, с.85] Волжской Булгарии. Кстати, тенденция обозначения предполагаемого огромного территориального охвата волжско-булгарского государства в значительной части средневековой Евразии, наблюдается в большинстве тематических текстов болгарской исторической науки и паранауки [32, с.4, 86; 33, с.7, 21, 58, 69; 38, с.184, 188] и в этом смысле может быть определена как одна из преобладающих фикций по отношению обсуждаемых вопросов.

Хотя специализированная международная наука уже давно пришла к выводу, что «Джагфар Тарихы» нельзя рассматривать как заслуживающий доверия источник, сам по себе являющийся бесспорной фальсификацией, созданной с определенной политически мотивированной целью (за которой стоит необулгаристское движение в Татарстане), необходимо отметить, что переведенное издание Г.Н. Ахмарова – далеко не единственное историческое издание в Болгарии, которое ссылается на так называемый «свод булгарских летописей». На самом деле, этот документ приобрел значительную популярность в Болгарии (опубликован на русском языке в Софии в 2001 г. [17] и на болгарском языке в 2005 г. [16]). После его опубликования в стране развернулась активная дискуссия среди различных представителей болгарской медиевистики о предполагаемой достоверности текста. Некоторые авторы даже склонны рассматривать содержание «Джагфар Тарихы» как подлинный источник средневековой истории [5]. В связи с этим многие исторические и квазиисторические работы цитируют и открыто ссылаются на «свод» (а также и на «Шан кызы дастаны», еще одну историческую подделку, опубликованную в 1997 г. на болгарском языке [3]) и рассматривают предложенную в тексте информацию исторически достоверной [32, с.37; 13, с.262; 12, с.52–65; 14; 33, с.215; 22, с.91; 37, с.8–9, 58, 76; 38; 36; 11, с.123–125, 130 и др.]. С этой точки зрения мне представляется разумным предположение, что популярность и распространение этой фальсификации в Болгарии, вероятно, в большей степени, чем где-либо еще, явно указывают на некоторые критические состояния не только по отношению региональных исследований Волжской Булгарии, но и по отношению общего направления развития болгарской медиевистики.

Хотя другие тематические публикации болгарских авторов уделяют гораздо больше внимания доисламскому прошлому волжских булгар (т.е. до X в.) и в некотором смысле даже отдают приоритет этому периоду [33,

с.130; 13, с.307–314], в обсуждаемом переводе Г.Н. Ахмарова также содержатся частичные ссылки на домусульманскую болгарскую культуру (недвусмысленно определяемую как «тенгрианскую»), которые не встречаются в оригинальном тексте [2, с.79]. Фактически, историографический акцент на тенгрианском наследии в культурной самобытности болгар (и, соответственно, тех, кто считаются их этническими наследниками в современную эпоху) показывает крайнее избирательное отношение к прошлому и напрямую связано с актуальным культурным контекстом. С одной стороны, эта позиция находит свой концептуальный генезис в мышлении так называемых неоваисовцев, стремящихся восстановить традиции вайсовского движения конца XIX – начала XX вв. в контексте перестройки [48, pp. 40–45; 35]. По мнению Фаргата Нурутдинова, главного идеолога неоваисовцев, именно тенгрианство следует рассматривать как «подлинную» болгарскую духовную традицию [20]. Есть основания утверждать, что это понимание существенно противоречит как традициям специфической «болгарской историографии» XIX в. [28], так и идеологической ориентации первых вайсовцев, оно скорее всего вписывается в контекст постсоветского неоязыческого «ренессанса», проанализированного Виктором Шнирельманом [47], и, в частности, в контексте политической инструментализации тенгризма в пространстве бывшего Советского Союза [44]. С другой стороны, дебаты о тенгрианстве отражают и некоторые специфические тенденции и установки в болгарском общественном пространстве после 1989 г. В связи с этим некоторые представители болгарской исторической науки и паранауки «заново открывают» тенгрианство как «истинную» религию древних болгар, интерпретируют его в определенных этнических категориях и в этом смысле противопоставляют его православному христианству как носителю иностранной (византийской) культурной модели.⁷ Кроме того, акцент на доисламском прошлом волжских болгар можно объяснить традиционными антимусульманскими стереотипами в болгарской национальной идентичности, которые находят широкий резонанс в некоторых работах местной историографии.

Подводя итог вышесказанному, вполне оправдан тезис, что своими объяснениями, заметками и комментариями редакторский коллектив (прежде всего Т. Яруллина), не только переэкспонирует основной тезис в изложении Ахмарова относительно происхождения современных татар от средневековых волжских болгар, но и оправдывает фикцию об извечной этнической тождественности волжских болгар и болгар на Балканах. С этой точкой зрения связано мнение редактора, что «постепенно единое сознание [волжских и дунайских болгар – Е.С.] раскололось» [2, с.69–70], что указы-

⁷ Подобную объяснительную схему также пропагандируют «тенгристы» в постсоветском Татарстане. Они воспринимают тенгрианство как часть «подлинного» этнического наследия своего сообщества и считают более позднюю мусульманскую традицию источником деэтнизации.

вает на открытое стремление внушить болгарскому читателю чувство этнического родства с современными казанскими татарами, что подтверждается историческим контекстом. Это побудило меня указать на существенную разницу между академической болгарской теорией исследователей, таких как Ахмаров (и его более поздние последователи), и квазиисторическим панболгаризмом таких авторов, как Т. Яруллина, Пл. Анакиев, Г. Халил, Ф. Нурутдинов и т.д. В этом смысле я считаю, что появление исследования Г.Н. Ахмарова на болгарском языке (подготовленного именно этим редакторским коллективом и опубликованного этим издательством) далеко не предназначено только для ознакомления читательской аудитории с работой несомненно интересного с контекстуальной точки зрения академического ученого. Скорее всего существует стремление представить и распространить искаженную и тенденциозную точку зрения на историю Волжской Булгарии, чтобы вызвать некоторый эмоциональный резонанс и, таким образом, вызвать солидарность среди более широкого круга людей в Болгарии и привлечь их к целям БНК и необулгаристов в Татарстане.

Если расширить спектр обсуждаемых вопросов, станет ясно, что опубликованный перевод Г.Н. Ахмарова можно рассматривать также в контексте более общих тенденций восприятия и отражения Волжской Булгарии в современном болгарском контексте. Несмотря на некоторые спорадические случаи авторских [18] и переводных [10] текстов по этому вопросу, относящихся к более раннему периоду, этот вопрос попал в поле зрения болгарской академической общности и более широкой общественности только после 1989 г.

С этой точки зрения некоторые из преобладающих в то время идеологических тенденций в болгарской историографии (прежде всего националистических и / или реваншистских) были спроецированы на интерпретации волжско-булгарской истории, что в качестве конечного продукта дает нечеткое, расплывчатое и в конечном итоге предвзятое представление о Волжской Булгарии. Подробный обзор доступных публикаций (как научных, так и квазинаучных) по этой теме в течение обозначенного периода показывает практически полное отсутствие текстов, которые соблюдают эмоциональную дистанцию, необходимую для соответствующего исследования, и которые не основывают свои выводы и мнения на национально-патриотических идеологемах. С другой стороны, заметно, что большинство авторов по этой теме постулируют общие интерпретации и мнения, что дает мне основание говорить в моей диссертации о существовании «общего дискурсивного поля» в болгарских исследованиях Волжской Булгарии [26, с.378–392].

В следующих строках я предложу краткий схематический обзор некоторых общих и взаимосвязанных дискурсов волжско-булгарской истории в работах болгарских авторов, составляющих уже упомянутое тематическое поле.

Однозначная идентификация казанских татар как наследников волжских булгар. Вероятно, основной тезис, разделяемый как необулгарскими активистами в Татарстане, так и их идейными сомышленниками в Болгарии, утверждает, что современное тюркоязычное население Татарстана в более узком и на Волге-Урале в более широком смысле является прямым этническим преемником средневековых волжских булгар [15; 38, с.15]. С этой точки зрения Казанское ханство рассматривается как естественное продолжение волжско-булгарской государственности [8, с.32, 37; 33, с.11–12; 32, с.104; 15, с.23–41; 38, с.200–293]. В своей сущности, эта формулировка основана, прежде всего, на стремлении к преднамеренному дистанцированию и даже отрицанию татарского наследия, которое считается «непрестижным» из-за его ассоциаций с негативным историческим образом «монголо-татар». Некоторые более крайние представители этой точки зрения, такие как Гусман Халил и руководимый им БНК, даже заявляют, что татары были «искусственно созданы Декретом Ленина» от 27 мая 1920 г.⁸ [31, с.39].

Восхваление волжско-булгарской истории. Другим известным и широко применяемым способом отражения исторического прошлого Волжской Булгарии является ее сознательное прославление, героизация. Почти все авторы по этой теме в Болгарии подчеркивают культурную исключительность этого государства, определяют ее даже как «цивилизационный феномен» [38, с.13], а волжские булгары однозначно определены как народ-культуртрегер, благодаря которому многие различные соседние общности были «интегрированы» в цивилизованный мир. Такая ретроспективная героизация определенной этнической общности в прошлом характерна для многих националистических движений, особенно в постсоветском пространстве.

Виктимизация волжско-булгарской истории. В непосредственной диалектической связи с указанной манерой героизации Волжской Булгарии находится противоположная точка зрения – на преднамеренную виктимизацию ее истории. Многие авторы в этой области предлагают весьма травматический исторический нарратив, в центре которого выделяется прежде всего акт «насильственного изменения» «настоящего имени» булгар и замена его именем «татары», осуществленного советским руководством. Вполне в контексте этой риторики, считается, что исполненная «исторической несправедливости» булгарская история намеренно скрыта от глаз широкой общественности [33, с.6; 8, с.15–16], а также, что по отношению этой истории осуществлены множество целевых «манипуляций».

Дискурс «другой Болгарии». Представление Волжской Булгарии как своеобразного «второго болгарского государства» в средние века и соответственно волжских булгар как «восточных болгар» можно с полным ос-

⁸ Имеется в виду Декрет об образовании Татарской АССР от 27 мая 1920 г., подписанный В.И. Лениным, М.И. Калининым, А.С. Энукидзе.

нованием назвать одной из самых популярных и широко поддерживаемых интерпретативных схем в тематической болгарской историографии.

Большинство исторических текстов говорят о болгарском характере Волжской Булгарии и, в частности, волжских булгар в строгом этническом и даже национальном смысле (часто используются метафоры кровного родства), что представляет собой анахронизм с методологической точки зрения. Конечно, необходимо упомянуть, что есть некоторые исключения из этой по существу панболгарской идейной рамки. Например, в своем основном исследовании Георги Владимиров, один из наиболее выдающихся болгарских авторов волжско-булгарской истории, считает, что дунайские и волжские булгары – это близкие, но далеко не идентичные этнические общности [7, с.33], что между ними «больше различий, чем сходств» [7, с.138]. Тем не менее, производит впечатление, что в других своих публикациях, предназначенных для более широкой читательской аудитории, автор также склонен использовать метафору «другой Болгарии» [6].

Изложенные концепции, формирующие общее дискурсивное интерпретативное поле в болгарских исследованиях исторического развития и наследия Волжской Булгарии, в значительной степени показывают не только существование (не)замаскированной националистической предубежденности, но и существование некоторых фундаментальных проблем методологического и теоретического характера. Однако необходимо уточнить, что некоторые сомнительные или откровенно неправильные методологические подходы не являются прерогативой только так называемой параистории – они также являются частью инструментария «официальной» историографии, что на практике показывает ее отставание от достижений международной медиевистики. В этом смысле среди основных методологических ограничений в публикациях о Волжской Булгарии я склонен отметить следующие: приоритизирование археологических данных при изучении этнических процессов в средние века, прекомерное доверие к письменным источникам (например, история путешествий ибн Фадлана), ретроспективная этнизация (т.е. рассмотрение домодерного периода на основе категории этничности), произвольные этимологизации, использование данных физической антропологии и другие.

* * *

Проанализированные в ходе предложенной дискуссии интерпретации, стереотипы и предубеждения об истории Волжской Булгарии, в том числе представленный перевод Г.Н. Ахмарова, отражают некоторые специфические симптомы, которые в значительной степени характеризуют болгарскую историческую науку после 1989 г. С этой точки зрения вполне основательно предположить, что рассмотренные тенденции в публикациях на тему Волжской Булгарии подтверждают важные критические наблюдения Ивана Еленкова и Даниелы Колевой, отмечающие, с одной стороны,

относительное отсутствие более широких методологических изменений в болгарской историографии после окончания коммунистического периода, а с другой стороны, параллельный «расцвет» квазиисторического жанра [41]. Кроме того, как показано в статье, в течение упомянутого периода некоторые рассказы, связанные с волжско-булгарской историей были сознательно использованы адептами современного болгарского националистического дискурса в процессе контекстуального пересмотра некоторых основополагающих моментов коллективного прошлого (например, в связи с границами и содержанием болгарской идентичности, в связи с вопросами, связанными с этногенезисом древних болгар и т.д.). Вот почему я рекомендую рассматривать болгарские публикации по волжско-булгарским проблемам не столько с точки зрения их возможной академической ценности или иррелевантности, согласованности или отставания от международных научных достижений, сколько как репрезентативный пример и даже источник конкретного состояния и тенденций болгарской исторической науки в частности и современного болгарского общества в более широком смысле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмеров Г. Избранные труды: История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции татар. Казань: Татарское книжное издательство, 1998. 240 с.
2. Ахмеров Г. История на Волжка България. С.: Огледало, 2002. 96 с.
3. Бащу М. Сказанието за дъщерята на хана. Епосът на прабългарите 882 г. С.: Агато, 1997. 187 с.
4. Боголюбов А.С. Муфти // Ислам: Энциклопедический словарь / Ред. Г.В. Милославский, Ю.А. Петросян, М.Б. Пиотровский. М.: Академия наук СССР, 1991. 315 с.
5. Василев В. «Джагфар тарихы» като извор за българската история. С.: УИ «Св. Климент Охридски», 2007. 118 с.
6. Владимиров Г. Другата България на Волга: изгубената цивилизация. С.: Световна библиотека, 2009. 80 с.
7. Владимиров Г. Дунавска България и Волжка България – формиране и промяна на културните модели (VII–XI в.). С.: Орбел, 2005. 158 с.
8. Владимиров Г. Казанското ханство. История, икономика, култура. С.: Тангра ТанНакРа, 2005. 112 с.
9. Володихин Д. Феномен фолк-хистори // Отечественная история. 2000. № 4. С. 16–24.
10. Греков Б.Д. Волжские болгары през IX–X век. С.: Дирекцията на изкуствата, Министерство на информацията и на изкуствата, 1946. 88 с.
11. Даскалов Р. Чудният свят на древните болгары. С.: ИК «Гутенберг», 2011. 240 с.
12. Добрев П. Древността проговаря. Нов поглед към «Веда Словена» и «Джагфар-Тарихи». С.: ИК Галик, 2007. 195 с.

13. Добрев П. Златният фонд на българската древност. С.: Тангра ТанНакРа, 2006. 890 с.
14. Добрев П. Стопанството и цивилизацията на Волжка България. С.: АИ «Проф. Марин Дринов», 2010. 218 с.
15. Илиев В. Велика Волжка България. Волга – българска река. С.: Компарсита, 1993. 64 с.
16. Иман Б. Джагфар тарихи. Свитък от булгарски летописи 1680 година. С.: Кама, 2005. 340 с.
17. Иман Б. Джагфар тарихы. Том I – Свод Булгарских летописей 1680 год. С.: Огледало, 2001. 399 с.
18. Миятев П. България на Волга през средните векове // През вековете. Исторически народописни и археологически статии / Ред. К. Миятев. С.: Българска историческа библиотека, 1938. С.126–145.
19. Николов Ал. Параисторията като феномен на прехода: «преоткриването» на древните българи // Историческият хабитус – предметената история: Сборник в чест на 65-годишнината на доц. д-р Румен Донков / Сост. Ю. Тодоров, А. Лунин. С.: Исторически факултет на СУ «Св. Кл. Охридски», 2013. С. 24–62.
20. Нурутдинов Ф.Г. Мы – булгары // Официальный сайт газеты «Дуэль». 27.01.1998. № 2(49). URL: http://www.duel.ru/199802/?2_4_1 (дата обращения: 15.06.2016).
21. Нурутдинов Ф. Г.-Х. Несколько слов о своде // Иман Б. Джагфар Тарихы. Том первый. Свод булгарских летописей 1680 г. Оренбург: Редакция вестника «Булгария», 1993. С. 5–6.
22. Павлов Н. Българският въпрос във Волго-Уралието (1988–2003). С.: Тангра ТанНакРа, 2003. 206 с.
23. Петров А.Е. Необулгарская идея и легитимизация поддельного свода Джагфара // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман, М.: ИА РАН, 2011. С. 288–296.
24. Салахова Э.К. Деятельность Г. Ахмарова в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2017. №4. С. 121–133.
25. Салахова Э.К. Проблема преемственности Булгарского государства и Казанского ханства в трудах Г.Н. Ахмарова // Путь науки. Международный научный журнал. 2014. №3. С. 33–35.
26. Станчев Е. Национализъм и динамика на идентичността на волжките татари (XIX – краят на XX век): Диссертация на соискание ученой степени доктора по истории, 2019.
27. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.
28. Франк А. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России / Пер. с английского Ильсии Хайбутдиновой. Казань: РИУ, 2008.
29. Халил Г. Мы – болгары, а не татары. Часть 2. Казань-София: Огледало, 2002. 68 с.
30. Халил Г., Яруллина Т. Къде е изчезнала Волжка България. Българската държавност на Волга през XX век. С.: Огледало, 2003. 82 с.
31. Цонев В. Непознатата Волжка България. С.: Литера Прима, 2007. 144 с.

32. Чолов П. Волжка България VII–XVI век. С.: Кама, 2008. 240 с.
33. Шамилоглу Ю. «Джагфар Тарихы»: как изобреталось болгарское самосознание // Фальсификация исторических источников и конструирование этнокра-
тических мифов / Ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман. М.: ИА РАН, 2011. С. 275–
287.
34. Шнирельман В.А. От конфессионального к этническому: болгарская
идея в национальном самосознании казанских татар в XX в. // Вестник Евразии.
1998. № 1–2. С. 131–152.
35. Яруллина Т. Алтернативни модели в историята (върху историята на
Волжска България от XV–XVII в.) // Ави-тохол. Кн. 37. 2016. С. 16–36.
36. Яруллина Т. Величието на Волжка България. С.: Огледало, 2002. 93 с.
37. Яруллина Т. Волжка България и Европа: Историко-културологични
очерци. С.: Огледало, 2008. 548 с.
38. Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organiza-
tion of Culture Difference* / Ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown and Company, 1969,
pp. 9–38.
39. Calmard J. Mollā. // *Encyclopaedia of Islam, Second Edition, Vol. VII, MIF–
NAZ* / Ed. by C.E. Bosworth *et al.* Leiden and New York: Brill, 1993, pp. 221–225.
40. Elenkov I., Koleva D. Historiography in Bulgaria After the Fall of Com-
munism: Did “The Change” Happen? // *Historiein*. 2003. Vol. 4, pp. 183–198.
41. Friedman V. From Orientalism to Democracy and Back Again. Developing
cultural identity in the Balkans // *Convergence vs. Divergence* / Ed. by R. Detrez,
P. Plas. Berlin: PIE-Peter Lang, 2005, pp. 25–43.
42. Geary P. Ethnic Identity as a Situational Construct in the Early Middle Ages
// *Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien*. 1983. Vol. 113. pp. 15–26.
43. Laruelle M. Religious revival, nationalism and the ‘invention of tradition’:
political Tengrism in Central Asia and Tatarstan // *Central Asian Survey*. 2007. 26 (2),
pp. 203–216.
44. Özkırmılı U. Theories of Nationalism: A Critical Introduction. 3rd edition.
Basingstoke, Hampshire, UK: Palgrave Macmillan, 2017. 256 p.
45. Pohl W. Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies // *Debating the
Middle Ages: Issues and Readings* / Ed. by L. Little, B. Rosenwein. Oxford: Blackwell
Publishers, 1998, pp. 13–24.
46. Shnirelman V. “Christians! Go home”: A Revival of Neo-Paganism between
the Baltic Sea and Transcaucasia (An Overview) // *Journal of Contemporary Religion*.
2002. Vol. 17. No. 2. pp. 197–211.
47. Shnirelman V. Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-
Russian Intellectuals in Russia. Washington: The Woodrow Wilson Center Press, 1996.
100 p.
48. Tyan E., Walsh J.R. Fatwā // *Encyclopaedia of Islam, Second Edition,*
Vol. II, C–G / Ed. by B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht. Leiden: Brill, 1991, pp. 866–867.
49. Zimonyi I. The Origins of the Volga Bulgars // *Studia Uralo-Altaica*. 1990.
211 p.

Сведения об авторе: Станчев Евлоги Генов – кандидат исторических наук (доктор по истории в соответствии с болгарским законодательством), научный сотрудник (ассистент в соответствии с болгарским законодательством), отдел «Модерные Балканы», Институт балканистики с центром фракологии им. проф. Ал. Фола, Болгарская академия наук (1000, ул. Московска, 45, София, Болгария); evlogi.stanchev@gmail.com

INTERPRETATIONS OF VOLGA BULGARIA IN CONTEMPORARY BULGARIAN HISTORIOGRAPHY THROUGH THE WORKS OF GAINETDIN AKHMAROV

E.G. Stanchev

*Institute of Balkan Studies and Center of Thracology,
Bulgarian Academy of Sciences
Sofia, Bulgaria
evlogi.stanchev@gmail.com*

The article focuses on analyzing different interpretations and assessments of the works of the lead Tatar scientist Gainetdin Akhmarov (1864–1911) in contemporary Bulgarian historiography based on translations of some of his texts in the Bulgarian language. His essay *History of [Volga] Bulgaria* (in Tatar: *Bulgar tarikh*) (1909) was published in Sofia, Bulgaria in 2002 by Ogledalo Publishing House (which has also published other works on the topic of Volga Bulgaria). The article points at deliberate re-interpretations of G.N. Akhmarov's original theses made in order to openly correspond with the dominant ideas on Volga Bulgaria that are present in contemporary Bulgarian historiography. This was predominantly imposed on the original text of Akhmarov through a number of commentaries, clarifications and additions by the editorial team and specifically by Tatyana Yarullina. The latter is an author of several popular quasi-historical works on Volga Bulgaria, which are closely related to the ideas of the so called neo-Wäisi movement. Such commentaries not only overexpose Akhmarov's main thesis concerning the ethnic and historical continuity between Volga Bulgaria and the Kazan Khanate, but they also underscore the teleological fiction of the primordial ethnic relatedness between the Volga Bulgars (and therefore the contemporary Kazan Tatars, perceived as their descendants) and the Bulgarians in the Balkan peninsula. Multiple citations of the historical forgery *Djagfar Tarikhy*, in the commentaries to the original text are indicative of these manipulations. Despite the fact that it has been largely repudiated internationally by Bulgarian Studies scholars, the fabrication enjoys relative popularity in Bulgaria. The thesis of the present paper suggests that the academic and quasi-academic publications revolving around the history of Volga Bulgaria in present-day Republic of Bulgaria (a prominent example of which is namely this translation of G.N. Akhmarov's essay) reveal certain tendencies, critical conditions and methodological problems of the Bulgarian historical science in general.

Keywords: Akhmarov G.N., Volga Bulgaria, Neo-Bulgharism, Bulgarian historiography, nationalism, parahistory.

For citation: Stanchev E.G. Interpretations of Volga Bulgaria in contemporary Bulgarian historiography through the works of Gainetdin Akhmarov. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 65–84. DOI: 10.22378/he.2019-4-1.65-84

REFERENCES

1. Akhmerov G. *Izbrannyye trudy: Istorija Bulgarii. Istorija Kazani. Etnicheskie gruppy i tradicii tatar* [Selected works: History of Bulgaria. History of Kazan. Ethnic groups and traditions of the Tatars]. Kazan, Tatar Book Publishing House, 1998. 240 p. (In Russian)
2. Akhmerov G. *Istoriya na Volzhka Bălgariya* [The History of Volga Bulgaria]. Sofia, Ogledalo Publishing House, 2002. 96 p. (In Bulgarian)
3. Bashtu M. *Skazanieto za dăshteryata na hana. Eposăt na prabălgarite 882 g.* [The legend about the khan's daughter. The epic of Proto-Bulgarians, 882]. Sofia, Agato Publ., 1997. 187 p. (In Bulgarian)
4. Bogolyubov A.S. Muftī. *Islam: Enciklopedicheskiy slovar'* [Islam: An Encyclopedic Dictionary]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1991. 315 p. (In Russian)
5. Vasilev V. *“Djagfar tarihi” kato izvor za bălgarskata istoriya* [Djagfar Tarikhly as a source for the Bulgarian history]. Sofia, St. Kliment Ohridski University Press, 2007. 118 p. (In Bulgarian)
6. Vladimirov G. *Drugata Bălgariya na Volga: izgubenata civilizaciya* [The other Bulgaria on the Volga: The lost civilization]. Sofia, Svetovna biblioteka, 2009. 80 p. (In Bulgarian)
7. Vladimirov G. *Dunavska Bălgariya i Volzhka Bălgariya – formirane i promyana na kulturnite modeli (VII–XI v.)* [Danube Bulgaria and Volga Bulgaria – formation and change of the cultural models (7th–11th cc.)]. Sofia, Orbel Publ., 2005. 158 p. (In Bulgarian)
8. Vladimirov G. *Kazanskoto hanstvo. Istoriya, iekonomika, kultura* [The Kazan Khanate. History, Economics, Culture]. Sofia, Tangra TanNakRa Publ., 2005. 112 p. (In Bulgarian)
9. Volodikhin D. *Fenomen fol'k-histori* [The phenomenon of folk-history]. *Otechestvennaya istoriya – National History*, 2000, no. 4, pp. 16–24. (In Russian)
10. Grekov B.D. *Volzhskite bălgari prez IX–X vek* [The Volga Bulgars in the 9th–10th cc.]. Sofia, Ministry of Information and Arts Publ., 1946. 88 p. (In Bulgarian)
11. Daskalov R. *Chudniyat svyat na drevnite bălgari* [The miraculous world of the ancient Bulgars]. Sofia, Gutenberg Publishing House, 2011. 240 p. (In Bulgarian)
12. Dobrev P. *Drevnostta progovarya. Nov pogled kăm “Veda Slovena” i “Djagfar-Tarihi* [Antiquity begins to speak. A new approach to Veda Slovena and Djagfar Tarikhly]. Sofia, Galik Publishing House, 2007. 195 p. (In Bulgarian)
13. Dobrev P. *Zlatniyat fond na bălgarskata drevnost* [The golden fund of Bulgarian antiquity]. Sofia, Tangra TanNakRa Publ., 2006. 890 p. (In Bulgarian)

14. Dobrev P. *Stopanstvoto i civilizaciya na Volzhka Bălgariya* [The agriculture and civilization of Volga Bulgaria]. Sofia, Marin Drinov Academic Publishing House, 2010. 218 p. (In Bulgarian)

15. Iliev V. *Velika Volzhka Bălgariya. Volga – bălgarska reka* [The Great Volga Bulgaria. The Volga – a Bulgarian river]. Sofia, Komparsita Publ., 1993. 64 p. (In Bulgarian)

16. Iman B. *Djagfar tarihi. Svitāk ot bulgarski letopisi 1680 godina* [Djagfar Tarikhy. A corpus of Bulghar chronicles (1680)]. Sofia, Kama Publ., 2005. 340 p. (In Bulgarian)

17. Iman B. *Djagfar tarikhy. Tom I – Svod Bulgarskikh letopisej 1680 god.* [Djagfar Tarikhy. Vol. I – A corpus of Bulghar chronicles (1680)]. Sofia, Ogledalo Publishing House, 2001. 399 p. (In Russian)

18. Miyatev P. Bălgariya na Volga prez srednite vekove [Bulgaria on the Volga in the Middle Ages]. *Prez vekovete. Istoricheski narodopisni i arheologicheski statii* [Through the centuries. Historical and archaeological articles]. Sofia, Bulgarian Historical Library, 1938, pp. 126–145. (In Bulgarian)

19. Nikolov Al. Paraistoriyata kato fenomen na prehoda: “preotkrivaneto” na drevnite bălgari [Parahistory as a phenomenon of transition: the “rediscovery” of the ancient Bulgars]. *Istoricheskiyat habitus – opredmetnenata istoriya. Sbornik v chest na 65-godishninata na doc. d-r Rumen Donkov* [The historical habitus. A collection in honor of the 65th anniversary of Assoc. Prof. Rumen Donkov, PhD Candidate]. Sofia, Faculty of History, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, 2013, pp. 24–62. (In Bulgarian)

20. Nurutdinov F. My – bulgary [We are Bulgars]. *Duel*, 1998, № 2. Available at: http://www.duel.ru/199802/?2_4_1 (accessed 15.06.2016) (In Russian)

21. Nurutdinov F. Neskol’ko slov o svode [Some remarks about the corpus]. *Djagfar tarikhy. Tom pervyj. Svod Bulgarskikh letopisej 1680 god.* [Djagfar Tarikhy. Vol. I – A corpus of Bulghar chronicles (1680)]. Orenburg, Bulgaria newspaper editorial office, 1993, pp. 5–6. (In Russian)

22. Pavlov N. Bălgarskiyat vāpros vāv Volgo-Uralieto (1988–2003) [The Bulgarian question in the Volga-Ural region (1988–2003)]. Sofia, Tangra TanNakRa Publ., 2003. 206 p. (In Bulgarian)

23. Petrov A.E. Neobulgarskaja ideja i legitimizacija poddel’nogo svoda Djagfara [The neo-Bulgharist idea and the legitimization of the forged corpus of Djagfar]. *Fal’sifikacija istoricheskikh istochnikov i konstruirovanie etnokraticeskikh mifov* [The falsification of historical sources and the construction of ethnocratic myths]. Moscow, IA RAS Publ, 2011, pp. 288–296. (In Russian)

24. Salakhova, E.K. Dejatel’nost’ G. Akhmarova v Obshestve arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete [The activities of G. Akhmarov in the Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University]. *Obschestvo arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete – Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University*, 2017, no. 4, pp. 121–133. (In Russian)

25. Salakhova, E.K. Problema preemstvennosti Bulgarskogo gosudarstva i Kazanskogo khanstva v trudah G.N. Akhmarova [The problem of continuity between the Bulgarian state and the Khanate of Kazan in the work of G.N. Akhmarov]. *Put’ nauki. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal – The path of science. International Journal of Science*, 2014, no. 3, pp. 33–35. (In Russian)

26. Stanchev E. *Nacionalizăm i dinamika na identichnostta na volzhkite tatari (XIX – krayat na XX vek)* [Nationalism and dynamics of identity of Volga Tatars (the 19th – late 20th cc.)]. Dr. Hist. sci. diss, Sofia, 2019. (In Bulgarian)
27. Fakhrutdinov R.G. *Ocherki po istorii Volzhskoj Bulgarii* [Essays in the history of Volga Bulgaria]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 216 p. (In Russian)
28. Frank A. *Islamskaja istoriografija i “bulgarskaja” identichnost’ tatar i bashkir v Rossii* [Islamic historiography and “Bulghar” identity among the Tatars and Bashkirs of Russia]. Transl. from English Il. Khajbutdinova. Kazan, Russian Islamic University Publ., 2008. 265 p. (In Russian)
29. Khalil G. *My – bolgary, a ne tatary. Chast’ 2* [We are Bulgars, and not Tatars. Vol. 2]. Kazan-Sofia, Ogledalo Publishing House, 2002. 68 p. (In Russian)
30. Khalil G., Yarullina T. *Kăde e izcheznala Volzhka Bălgariya. Bălgarskata dărzhavnost na Volga prez XX vek* [Where did Volga Bulgaria disappear? The Bulgarian statehood on the Volga in the 20th century]. Sofia, Ogledalo Publishing House, 2003. 82 p. (In Bulgarian)
31. Tsonev V. *Nepoznatata Volzhka Bălgariya* [The unknown Volga Bulgaria]. Sofia, Litera Prima Publ., 2007. 144 p. (In Bulgarian)
32. Cholov P. *Volzhka Bălgariya VII – XVI vek* [Volga Bulgaria in the 7th–16th – XVI cc.] Sofia, Kama, 2008. 240 p. (In Bulgarian)
33. Schamiloglu U. “Djagfar Tarikhy”: kak izobretalos’ bulgarskoe samosoznanie [“Djagfar Tarikhy”: How was Bulgarian consciousness invented?]. *Fal’sifikacija istoricheskikh istochnikov i konstruirovane etnokraticeskikh mifov* [The falsification of historical sources and the construction of ethnocratic myths]. Moscow, IA RAS Publ., 2011, pp. 275–287. (In Russian)
34. Shnirelman V.A. Ot konfessional'nogo k ehtnicheskomu: bulgarskaya ideya v nacional'nom samosoznanii kazanskih tatar v XX veke [From confessional to ethnic: the Bulgarian idea in the national self-consciousness of the Kazan Tatars in the 20th century]. *Vestnik Evrazii – Acta Eurasica*, 1998, no. 1–2, pp. 131–152. (In Russian)
35. Yarullina T. *Alternativni modeli v istoriyata (vărhu istoriyata na Volzhska Bălgariya ot XV–XVII v.)* [Alternative models in history (on the history of Volga Bulgaria in the 15th–17th cc.)]. *Avi-tohol*, Vol. 37, 2016, pp. 16–36. (In Bulgarian)
36. Yarullina T. *Velichieta na Volzhka Bălgariya* [The greatness of Volga Bulgaria]. Sofia, Ogledalo Publishing House, 2002. 93 p. (In Bulgarian)
37. Yarullina T. *Volzhka Bălgariya i Evropa: Istoriko-kulturologichni ocherki* [Volga Bulgaria and Europe: historical and culturological essays]. Sofia, Ogledalo Publishing House, 2008. 548 p. (In Bulgarian)
38. Barth F. Introduction. *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference* / Ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown and Company, 1969, pp. 9–38. (In English)
39. Calmard J. Mollā. *Encyclopaedia of Islam*, Second Edition, Vol. VII, MIF–NAZ / Ed. by C.E. Bosworth *et al.* Leiden and New York, Brill, 1993, pp. 221–225. (In English)
40. Elenkov I., Koleva D. Historiography in Bulgaria After the Fall of Communism: Did “The Change” Happen? *Historein*, 2003, Vol. 4, pp. 183–198. (In English)
41. Friedman V. From Orientalism to Democracy and Back Again. Developing cultural identity in the Balkans. *Convergence vs. Divergence* / Ed. by R. Detrez, P. Plas. Berlin, PIE-Peter Lang, 2005, pp. 25–43. (In English)

42. Geary P. Ethnic Identity as a Situational Construct in the Early Middle Ages. *Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien*, 1983, Vol. 113, pp. 15–26. (In English)
43. Laruelle M. Religious revival, nationalism and the ‘invention of tradition’: political Tengrism in Central Asia and Tatarstan. *Central Asian Survey*, 2007, 26 (2), pp. 203–216. (In English)
44. Özkırımlı U. *Theories of Nationalism: A Critical Introduction*. 3rd edition. Basingstoke, Hampshire, UK, Palgrave Macmillan, 2017. 256 p. (In English)
45. Pohl W. Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies. *Debating the Middle Ages: Issues and Readings* / Ed. by L. Little, B. Rosenwein. Oxford, Blackwell Publishers, 1998, pp. 13–24. (In English)
46. Shnirelman V. “Christians! Go home”: A Revival of Neo-Paganism between the Baltic Sea and Transcaucasia (An Overview). *Journal of Contemporary Religion*, 2002, Vol. 17, No. 2, pp. 197–211. (In English)
47. Shnirelman V. *Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia*. Washington, The Woodrow Wilson Center Press, 1996. 100 p. (In English)
48. Tyan E., Walsh J.R. Fatwā. *Encyclopaedia of Islam*, Second Edition, Vol. II, C–G / Ed. by B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht. Leiden, Brill, 1991, pp. 866–867. (In English)
49. Zimonyi I. The Origins of the Volga Bulgars. *Studia Uralo-Altaica*, 1990, 211 p. (In English)

About the author: Evlogi G. Stanchev is a Candidate of Science (History), Research Fellow (Assistant), Department of Early Modern History of the Balkans at Institute of Balkan Studies and Center of Thracology, Bulgarian Academy of Sciences (45, Moskovska St., Sofia 1000, Bulgaria); evlogi.stanchev@gmail.com

К статье: *Станчев Е. Гайнетдин Ахмаров в контексте интерпретирования Волжской Булгарии в современной болгарской историографии*

Рис. 1. Обложка болгарского издания «История Булгарии» Г.Н. Ахмарова (опубликовано в 2002 г. в издательстве «Огледало», София, Болгария)

К статье: *Tietmeyer E. Revisited: Tatar Cultural Heritage in Berlin, Germany*

Fig. 1. Location of the Museum of European Cultures, Arnimallee 25, 14195 Berlin-Dahlem

© Staatliche Museen zu Berlin, Museum Europäischer Kulturen/Ute Franz-Scarciglia